

Н. Роцин

Белая сирень

**Москва
«Книга по Требованию»**

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

На колокольнѣ пробило восемь, и съ послѣднимъ ударомъ грустный и нѣжный стонъ долго рѣялъ въ тихомъ воздухѣ, то угасая, то наплывая мягкими волнами.

Студентъ, Сергѣй Полозовъ, облокотившись на деревянныя старыя перила, стоялъ у обрыва высокой Соборной горы и смотрѣлъ на лежавшій внизу городъ. Сбоку возвышалась тяжкая и пышная громада собора и густо розовыя отъ солнца стѣны его, затѣйливая вязь карнизовъ, маленькія колонки, кренясь, бѣжали вверхъ, къ синему узорному куполу, къ золотому, съ легкими отъ крыльевъ цѣпами, кресту. одиноко и торжественно стоявшему въ зеленоватомъ небѣ.

Былъ третій день Пасхи. Весна пришла ранняя, — въ февралѣ сошелъ снѣгъ, мартъ шумѣлъ дождями, сырыми гулками вѣтрами, голыми жадными верхушками березъ, и апрѣль явился какъ-то неожиданно, сразу, во всей своей дѣвической прелести, въ яркомъ блескѣ солнца, въ раннемъ цвѣтеніи, въ предпраздничномъ стукѣ, грохотѣ, въ разноголосомъ птичьемъ щебетѣ и всеобщей шумной веселой сумятицѣ.

Третій день съ утра до вечерни раздавался немолчный трезвонъ всѣхъ тридцати церквей города, и этотъ низкій гулъ и серебряная дробь, пересыпавшаяся въ синемъ небѣ, таявшая и нараставшая съ

новой яростно-веселой силой, закрытые по праздничному магазины, нарядная толпа, радостныя восклицанія, христосованье, — все это Сергѣй видѣлъ и слышалъ словно бы впервые.

Онъ смотрѣлъ на бѣжавшуюся передъ нимъ внизу мягкими волнами молодую зелень городского сада, на безпорядочное нагроможденіе домовъ, на вдругъ вырвавшуюся изъ ихъ хаоса широкую ровную улицу, по которой ползли телѣги, на развалины стариннаго кремля, крутой и темный скосъ крѣпостной стѣны, падавшей къ рѣкѣ, полуразвалившуюся и поросшую кустарникомъ широкую башню, на рѣку, еще не вошедшую въ берега, на темное Зарѣчье и лѣса за нимъ, поле и сельцо въ сторонѣ съ бѣлой церковкой за туманной синей далью, словно бы плывшія, колыхавшіяся въ блѣдно-розовомъ гасшемъ свѣтѣ и чувствовалъ необыкновенную радость, смѣшанную и съ неопредѣленной грустью и съ нѣжностью.

— Господи, какъ хорошо! — негромко сказалъ онъ.

Онъ откинулся назадъ и съ силой опустилъ руки. Ветхое перильце закачалось на лодгнившихъ столбахъ.

Сергѣй нѣсколько дней назадъ вернулся въ родной городъ, всего одинъ годъ провелъ вдали отъ семьи, отъ зеленыхъ улицъ, отъ провинціальныхъ густыхъ закатовъ, отъ этихъ крышъ, садовъ, лабазовъ, дремы, сытости, — отъ всего, что считалъ еще совсѣмъ недавно единственно подлиннымъ, ибо всѣ другіе страны и города, о которыхъ онъ читалъ и слышалъ, — все это было только интересной выдумкой, а настоящей міръ, жизнь, — это и былъ вотъ этотъ малый городъ, гдѣ зналъ онъ каждый камень. Но вотъ годъ провелъ онъ въ другомъ мѣстѣ, среди другихъ людей, въ иной обстановкѣ, интересахъ, и вновь пріѣхалъ въ тихій свой городъ, и —

какимъ же новымъ и чудеснымъ свѣтомъ озарила все передъ глазами Сергѣя эта разлука! Меньше стали дома и грязнѣе улицы и смѣшнѣе чудаки-провинціалы, но та, бывшая, невнимательная привязанность къ нимъ переродилась сейчасъ въ нѣжную и крѣпкую и благодарную любовь.

— Вотъ, — подумалъ Сергѣй, — я родился здѣсь, пришелъ на землю изъ непонятнаго и страшнаго міра, изъ вѣчности, — пришелъ въ простое и счастливое. Я родился русскимъ. А вѣдь я могъ бы родиться нѣмцемъ, испанцемъ, негромъ. Я бы навѣрное тоже любилъ свое мѣсто, но вотъ этого разлета, этой полноты и грусти навѣрное не было бы!...

Онъ оглянулся. Солнце скрывалось за поднимающуюся линіей земли, и только верхній край его, вишневыи и будто наполненный влагой, кидаль огненный отблескъ на треть неба и золотилъ края расщепленныхъ длинныхъ облаковъ. Въ городѣ темнѣло, но сръзъ башни и верхушки тополей еще розовато свѣтились и въ поляхъ за городомъ было сумрачно свѣтло.

— Да... ужъ на вѣкъ, на миллиарды лѣтъ, на всю эту непонятную вѣчность для меня не будетъ милѣй, дороже и прекраснѣй вотъ этой страны, этого милаго глухого городка, — опять подумалъ онъ.

Стемнѣло. Надъ головой Сергѣя мягко зашумѣли тополя, густыя волны зелени внизу шевелились, вдали смутно бѣлѣла рѣка, оттуда шель сырой, свѣжій вѣтеръ, будившій неопредѣленную тягу вдаль, въ поля. По рѣкѣ медленно прошелъ разукрашенный гирляндами цвѣтныхъ фонариковъ пароходъ, возвращавшійся съ праздничной прогулки, и отчетливо донесся шипящій и глухой шумъ воды подъ плитами его колесъ. Въ городѣ зажигались огни.

Сергѣй снялъ фуражку и провелъ рукой по волосамъ. Онъ развернулъ грудь, шевельнулъ плечами

и почувствовалъ, какъ со спины сдерживаетъ ихъ крѣпкое сукно форменной тужурки. Онъ рѣзко и радостно вновь ощутилъ всю свою молодость, силу, послушную подвижность своего тѣла и подумалъ, что могъ бы, разбѣжавшись, перескочить черезъ перила и крутой склонъ горы и прыгнуть прямо въ живыя, ходившія вниз, зеленыя волны. Онъ вытащилъ плоскій золотой портсигаръ и закурилъ папиросу, привычно смявъ гармоникой длиннѣйшій мундштукъ.

— Сергѣ-ей! Да гдѣ-же ты!.. — послышался снизу, откуда-то изъ зеленыхъ валовъ вольный и звонкій голосъ.

Сергѣй перегнулся черезъ перила и, сложивъ ладони, громко крикнулъ внизъ:

— Иду-у...

Садъ былъ еще не убранъ съ зимы, подъ ногами жестко шелестѣлъ сухой листь, отъ листьевъ, сметенныхъ въ кучи, шель сырой и пряный, слегка спиртной запахъ. Вверху, гдѣ сходились густыя деревья, уже темнѣло, но по низу, по дорожкѣ еще стоялъ свѣтовой туманъ, какъ ша днѣ глубокаго рва.

Изъ за рѣзной рѣшетки, отъ высокаго уличнаго фонаря за нею, падалъ свѣтъ подъ темную густую зелень каштановъ, на скамью. Тамъ тѣснились люди, вспыхивалъ смѣхъ и вскрики и видно было, что не хватало мѣста.

— Сергѣй, куда же ты пропалъ? — послышался тотъ звонкій и нетерпѣливый голосъ, который звалъ Сергѣя съ горы.

— Стихи пишетъ, муза осѣнила, — сказалъ высокій, слегка тощій, студентъ, поднимаясь со скамьи. Съ нимъ вмѣстѣ всталъ нескладный отрокъ въ гимназической курткѣ.

Со всѣми сидѣвшими Сергѣй былъ связанъ или родствомъ, или давней, съ дѣтства, дружбой. Звала его сестра, Катя, а младшій изъ компаніи, гимна-

зистъ, былъ его братъ. Тутъ были и друзья его дѣтства, братъ и сестра Верничъ, Николай и Леночка, — высокій студентъ и худенькая, похожая на брата, барышня, съ которыми Сергѣй былъ въ дальнемъ родствѣ. Рядомъ съ Леночкой сидѣли Таня Тугорлина, курсистка-медичка, и толстякъ «вѣчный студентъ» Аркадій.

У маленькой Кати изъ подъ синей весенней шапочки, надѣтой нѣсколько небрежно, выбивались легкіе волосы и верхняя губа была по дѣтски удивленно вздернута, обнажала маленькіе зубы, ударившіе въ фарфоровую голубизну. Этой всегдашней ся улыбка, счастливой маскѣ трудно было противиться, и ея сильному, всегда внезапному, смѣху вторили невольно, еще не зная его причины.

Катя, взмахивая рукой и давясь отъ смѣха, рассказывала что-то своей сосѣдкѣ, Леночкѣ Верничъ, внимательно ее слушавшей и иногда нерѣшительно улыбавшейся. Сергѣй посмотрѣлъ на Леночку и веселый взглядъ его сталъ мягкимъ.

Катя была въ расцвѣтѣ самой ранней дѣвической свѣжести, въ которомъ наивность подростка уже смѣшивается съ тайнымъ, еще недовѣрчивымъ и любопытливымъ, угадываніемъ своей женской силы. Леночка была совсѣмъ иной. Въ городѣ она считалась красавицей. Но въ томъ, что составляло эту красоту, въ пепельно-сѣрыхъ надъ высокимъ лбомъ волосахъ, издали производившихъ впечатлѣніе сѣдины, въ медленномъ и глубокомъ взглядѣ сѣрыхъ глазъ за густыми и будто опаленными на концахъ рѣсницами, въ строгомъ, даже суровомъ выраженіи губъ было что-то незаконченное, болѣзненное, что возбуждало въ окружающихъ жалость къ ней и бережность.

Третья изъ дѣвушекъ, Таня Тугорлина, шумно разговаривала о чемъ-то съ толстякомъ Аркадіемъ.

У Леночки и у Кати при всемъ ихъ внѣшнемъ различіи было что-то общее въ ихъ невзростости, неувѣренности. Таня же была ни въ чемъ не схожа со своими подругами. Она была крупна. Движеніямъ ея, отрывистымъ и по мужски широкимъ и нетерпѣливымъ, грубоватому скуластому смуглому лицу и тяжелой головѣ въ рамкѣ толстыхъ косъ, неправильнымъ губамъ и крупному подбородку отвѣчала внутренняя взростость. Она была бы совсѣмъ некрасива, если бы не ея большіе, нѣсколько неожиданные на этомъ монгольскомъ лицѣ, глаза подъ тяжелыми бровями, внимательно-пытливые и снисходительные, отъ взгляда которыхъ собесѣднику подчасъ становилось неловко.

На пустыхъ улицахъ смѣхъ молодежи раздавался вольно и рѣзко. Отъ освѣщенныхъ оконъ ночь казалась очень темной, деревья тянулись вверхъ, сливались. Чуть свѣтился булыжникъ мостовой. Небо, темное и усталое, поблескивало спокойными маленькими звѣздами. На землѣ все казалось принизившимся, осѣвшимъ, и тянуло выбраться изъ темноты куда-нибудь на пригорокъ.

Сергѣй взялъ сестру подъ руку и замедлил шагъ. Они отстали.

Сергѣй и Катя были сейчасъ въ переломѣ отношеній. Какъ-то совсѣмъ неожиданно Сергѣй увидѣлъ, что сестра изъ маленькой хохотушки-дѣвочки превратилась въ барышню, что есть у нея свои самостоятельныя желанія и требованія, что на нее обращаютъ вниманіе и ищутъ знакомства съ ней тѣ люди, которыхъ онъ считалъ выше и старше себя. Это и волновало его нѣкоторой ревностью, и трогало. И Катя точно такъ же видѣла, что братъ ея уже не мальчикъ, на котораго она такъ часто жаловалась, бывало, матери, а почти самостоятельный человекъ, уже выравшій себѣ дорогу въ жизни. Оба

они вдругъ поняли, что они — отдѣльные другъ отъ друга люди, что между ними лежитъ многое и ляжетъ еще большее, и отъ этого между ними возникла интимная и нѣжная близость, заботливость, желаніе сдѣлать другъ другу что-нибудь пріятное, радостное. Они подолгу сидѣли вдвоемъ, говорили о многомъ и втайнѣ другъ другомъ гордились.

— Катеринка ты моя... Сторублевочка ты моя милая, — сказалъ Сергѣй, тихо сжимая ей руку.

— Что съ тобой, милый? — спросила она, замедля шагъ, касаясь рукой его щеки и поворачивая къ себѣ его лицо.

— Помнишь, какъ я закапывалъ въ снѣгъ твоихъ куколъ и шоколадъ и говорилъ, что къ веснѣ будетъ всего въ семь разъ больше?

— Да... А вѣдь это совсѣмъ недавно было.

— Я тебя очень очень люблю... Всю жизнь любить буду... Ты у меня прелесть...

— Нѣтъ, это ты. Ты самъ же видишь, какъ ты измѣнился... Ты совсѣмъ другимъ сталъ, мягкій, добрый...

— Нѣтъ, это ты...

— Нѣтъ, ты...

— Катя, ты говорила? — перебилъ ее Сергѣй. Голосъ его сталъ робкій и нетерпѣливый.

Катя посмотрѣла на него смѣющимися глазами.

— Говорила. Ну, конечно, пустяки. Я знала. Она сказала, что каждый человекъ долженъ имѣть свое мнѣніе и было бы унижительно, если бы это обижало.

Наканунѣ былъ споръ. Говорили о добрѣ и злѣ, о Толстомъ. Голоса разбились. Леночка съ неожиданной горячностью сказала, что слабость силы — въ ее законченности, что счастье на землѣ — въ смиреніи, въ непротивленіи силѣ, что чувства, рождаемая смиреніемъ, сложны, глубоки и прекрасны и несравнимы съ тѣмъ грубымъ, что даетъ видимое преимущество здѣсь, на землѣ.

Сергѣй увлекся, раскричался, что это — «эгоизмъ» и что «слава Богу это не такъ и никогда такъ не будетъ», — «нѣтъ, жизнь есть борьба, эволюція, совершенствованіе видовъ, отборъ!» — неистовствовалъ Сергѣй.

Онъ такъ увлекся, что никого не слышалъ, и не видѣлъ, какъ на него почти съ ужасомъ смотрѣла Леночка. Замѣтивъ, наконецъ, ея взглядъ, онъ страшно смутился, оборвалъ себя и выбѣжалъ изъ комнаты. Послѣ этого онъ не видѣлъ Леночку и всю ночь не спалъ.

— Она говоритъ, что просто забыла про этотъ разговоръ, — сказала Катя. Она посмотрѣла сбоку на Сергѣя и сказала другимъ голосомъ, медленнымъ и строгимъ:

— Знаешь, Сережа, мнѣ кажется, что она тебя любить...

Катя задумалась. Они шли медленно, впереди слышался смѣхъ Тани и глуховатый веселый голосъ Аркадія.

— Да, Лена... — сказала Катя. — Я ужасно, ужасно ее люблю. Ты знаешь, она вся какая-то легкая, какъ изъ воздуха. Навѣрное такіе бываютъ затворники, святые. Иногда она такъ жалка, что у меня сердце разрывается. Я жизнь за нее готова отдать...

— Да глупости вы говорите, Аркадій, — донесся досадливый голосъ Тани. — Жизнь, это и есть работа, наиболѣе разумное направленіе силъ, подвластныхъ человѣку. И культура и опредѣляется...

— А вотъ Таня. Совсѣмъ другой человѣкъ... — оживилась Катя. — И ее я очень люблю. Она умница, горячая, прямая. Какъ-то всего человѣка сразу видить, отъ нея никуда не скроешься... А я не знаю, кого я больше люблю, — даже остановилась она отъ растерянности. — Да впрочемъ, — тотчасъ-же

успокоилась она, — вѣдь нельзя любить больше или меньше. Любить по разному. Правда, Сережа? Я ихъ одинаково люблю, но по разному. Ты знаешь, Сергѣй, мнѣ кажется, что если бы произошло какое-то большое несчастье, то Лена принесла-бы себя въ жертву, а Таня сдѣлала-бы подвигъ. Да, да, — обрадованно повторила она, — одна жертву, другая подвигъ.

— Ну, какое тамъ несчастье.

— Да нѣтъ, я такъ. Если-бы случилось...

— А мнѣ Таня не то что не нравится, а какъ-то съ ней... безпокойно. И потому все таки она... Богъ ее знаетъ, какая-то... медицинская.

— Ну какъ тебѣ не сгъдно, Сергѣй! Просто ты ее мало знаешь. Мнѣ кажется, — добавила она, помолчавъ, — у нея гдѣ-то вотъ въ самой глубинѣ есть что-то серьезное, недоговоренное, какое-то несчастье. Можетъ быть она и сама этого не знаетъ.

— Ну вотъ, у тебя сегодня все несчастье, да несчастье.

— Да, да, мнѣ такъ кажется, — настойчиво повторила она.

— Наша родственница будущая, — сказала Сергѣй, смѣясь.

Таня была невѣстой Кирилла, ихъ двоюроднаго брата, студента-инженера, не пріѣхавшаго изъ-за экзаменовъ на каникулы.

— Ну, что-жъ, я очень рада, — сказала Катя. — Я была-бъ еще больше рада, — внимательно въ упоръ посмотрѣла она на Сергѣя и вдругъ вспыхнула, — если-бы я породнилась не только съ ней, а и съ Леной.

Они проходили по пустой площади, мимо городского, стоявшаго подъ фонаремъ. Поровнявшись съ городovýmъ, Аркадій учтиво, какъ это онъ дѣлалъ, проходя мимо интересныхъ, но мало знакомыхъ ба-

рышень, снялъ передъ нимъ фуражку и поклонился. Городовой недовѣрчиво посмотрѣлъ на него и сердито поднялъ руку къ фуражкѣ.

— Вотъ оно, недремлющее око! — засмѣялся Аркадій.

— И глупо! — перебилъ его Николай. — Вотъ пока ты бздѣльничаешь, онъ несетъ службу. За двѣнадцать рублей въ мѣсяць онъ не спитъ за тебя, оберегаетъ покой твоей высокой персоны и ради тебя иногда рискуетъ жизнью. Случись съ тобой несчастье, онъ долженъ помочь тебѣ, напали на тебя, — онъ обязанъ первый броситься на твою защиту. И все это — за двѣнадцать рублей въ мѣсяць. Нѣтъ, братъ, пора кой надъ чѣмъ перестать смѣяться...

Въ голосѣ Николая слышна была насмѣшка и Аркадій не понялъ — смѣется онъ, или говоритъ серьезно.

Съ пустынной и уже темной улицы свернули они въ тихій, усаженный липами переулокъ и остановились у большого полозовскаго дома. Занавѣшенные окна мягко, багряно свѣтились и изъ темноты подь ономъ неясно поднимались верхушки жасминовыхъ кустовъ, густо разросшихся по обѣ стороны крыльца. Слышны были глухіе звуки рояля.

— Мамочка... чудачка, — шепнула Катя Сергѣю.

У крыльца стали прощаться. Потомъ прошли въ конецъ переулка, вернулись, опять шумѣли и жаль было расходиться и опять пошли подь темными, забранными въ рѣшетки тополями, мимо тихихъ провинціальныхъ особнячковъ.

— Смотрите, какъ хорошо! — остановилась Леночка.

За угломъ, въ пролетѣ поперечной широкой улицы, спускавшейся къ рѣкѣ, вдали медленно двигались красноватые нѣмые огоньки. Съ рѣки тянуло свѣжестью, сыростью, вѣтромъ.